

В седьмом классе я сидел за одной партой с симпатичной рыжей девочкой, которая мне нравилась с того дня, когда она пришла в нашу школу, она была весёлая, умная и дружелюбная. Дженни обычно носила обтягивающие брюки, которые прекрасно смотрелись на её круглой попке и короткую маечку, нижний край которой заканчивался на несколько сантиметров выше пупка. Я пробовал ухаживать за ней с первых же дней учёбы в одном классе, но она, казалось, ограничивалась просто дружескими отношениями со мной. Однажды, перед последним уроком, я увидел Дженни стоящей в очереди в туалет с учебниками в руках и предложил отнести её учебники в класс. В ответ на это девочка благодарно мне улыбнулась. Я видел, что впереди Дженни была довольно большая очередь в туалет, и подумал, что она, возможно, не успеет до начала урока. Несмотря на это, я взял её книги, пошёл в класс и расположился за последней партой, где мы сидели вместе с Дженни. Через пару минут после звонка учительница увидела, что некоторые девочки отсутствуют и пошла к туалетам, чтобы привести их на урок.

Вскоре в кабинет вошли три мои одноклассницы со смущёнными лицами. Ещё две девочки пришли в класс через минуту, а за ними вошла покрасневшая Дженни, держа спортивную куртку перед собой так, чтобы та закрывала живот и верхнюю часть бёдер. Она быстро подошла к своему месту и села рядом со мной. Дженни замешкалась, когда хотела повесить куртку на спинку стула, и после паузы прошептала мне: «Обещай, что не будешь смеяться, пожалуйста...» «Я обещаю, но из-за чего я должен был смеяться?» — спросил я, после чего Дженни посмотрела вниз и медленно убрала куртку, показав мне тёмное влажное пятнышко на штанах между ног. На мгновение я был загипнотизирован этим видом и мыслями о красивой девочке, которая на секунду не выдержала и пустила струйку в штаны. Тогда я взял у Дженни куртку и сам повесил её на спинку стула, заметив, что сзади на её штанах тоже было пятнышко около 2 сантиметров в диаметре. Я понял, что моя соседка по парте так и не пописала, а всего лишь на секунду не вытерпела и не удержала всего одну маленькую струйку.

«Ты в порядке?» — спросил я сочувственно, на что Дженни взволнованно кивнула и смущённо прошептала: «Туалеты в этой школе всегда заняты, а учительница вошла как раз когда я начала писать, поэтому мне почти сразу пришлось остановиться». «Ты имеешь ввиду, что всё ещё хочешь пописать?» — недоверчиво спросил я, на что Дженни кивнула и, покраснев, прошептала: «Да, очень, но я думаю, что сумею вытерпеть до конца урока, мне не привыкать ждать по утрам, когда освободится туалет, ведь у меня четыре сестры». В этот момент учительница пришла с последней отсутствующей девочкой и решила приступить к опросу домашнего задания (нам задали перевести с иностранного небольшой рассказ). Как назло, Дженни давно не отвечала, поэтому учительница спросила именно её. Моя соседка начала переводить рассказ вслух и, казалось, её не очень беспокоила проблема туалета, хотя, как я мог видеть, низ её живота немного раздулся, как будто она плотно пообедала. Примерно через пятнадцать минут Дженни закончила переводить первую страницу, и было заметно, что она начинает волноваться.

Девочка иногда слегка наклонялась вперёд и притопывала правой ногой, что, конечно, было следствием увеличивающегося давления в её мочевом пузыре. Через минуту или две я

осторожно повернул голову, и, посмотрев на Дженни, увидел, что она сдвинулась вперёд, на край стула, а пятно в её промежности почти высохло. Если бы ей удалось вытерпеть до конца урока, никто бы и не заметил, что эта девочка немножко намочила штаны. Я действительно надеялся, что Дженни вытерпит, поскольку мне было неприятно даже подумать от том, что над ней смеялся бы весь класс. Вскоре учительница остановила Дженни, вздохнувшую с облегчением, и попросила продолжить другого ученика. Через десять минут моя соседка сидела довольно напряжённо, и я заметил, что она постоянно двигает ногами. Вскоре Дженни начала время от времени задерживать дыхание на несколько секунд, но больше всего меня удивило то, что за последние пятнадцать минут низ её живота раздулся ещё сильнее, и теперь казалось, что у неё там большой апельсин. Ещё через пять минут девочка закусилла нижнюю губу и начала время от времени наклоняться вперёд, слегка отрываясь от сиденья стула.

Она явно уже очень сильно хотела в туалет, и я сомневался, что ей удастся вытерпеть до звонка. В течение следующей минуты, как я понял, она тоже начала сомневаться, после чего подняла левую руку и спросила учительницу: «Пожалуйста, можно мне сходить в туалет?» «Нет, ты должна будешь ждать до конца урока», — ответила учительница. «Ох, пожалуйста, мне очень нужно», — попросила Дженни, но учительница снова ей отказала. Через несколько минут девочка опять подняла руку и умоляюще спросила: «Пожалуйста, разрешите мне выйти ради исключения, я не могу терпеть дольше», на что получила раздражённый ответ: «Ты должна будешь терпеть до конца урока, как это делают все остальные, я не могу делать исключение для кого-то одного!» Я видел, что Дженни ужасно стыдно, но она всё же сказала: «Я не могу, не могу терпеть! Я просто лопну до конца урока!», но и это не разжалобило учительницу, которая ответила: «Тогда можешь сделать это прямо в штаны, я уже сказала, что никто не выйдет из класса во время урока!» «О-ох, я так сильно хочу в туалет...», — тихо простонала Дженни, наклоняясь и чуть-чуть оторвавшись от сиденья, как будто пытаюсь подтвердить это, после чего я спросил: «Как ты думаешь, тебе удастся вытерпеть до конца урока?»

Дженни взволнованно посмотрела на меня и прошептала: «Не знаю. Я думала, что смогу, поскольку мне всё же удалось чуть-чуть пописать, пока учительница не вошла в туалет; но теперь я не знаю, сколько ещё смогу вытерпеть». «Ты просто должна вытерпеть», — сказал я серьёзно, — «или все будут над тобой смеяться». Я видел, что Дженни действительно с трудом сдерживалась, поскольку она прошептала, слегка постанывая: «Влажное пятно у меня между ног высохло, но я правда не знаю, не повится ли оно там снова до звонка». Я посмотрел на часы и ответил: «Осталось всего четырнадцать минут, ты должна дотерпеть». Неожиданно, в уголках глаз Дженни выступили слёзы и она, чуть не плача, сказала: «О нет, ещё почти четверть часа! Я не смогу столько вытерпеть». Учительница не смотрела в нашу сторону, поэтому я посоветовал девочке думать о чём-нибудь другом, чтобы отвлечься. «Я попробую, но это не так просто, потому что мой мочевой пузырь уже начинает побаливать». «Ты должна вытерпеть до конца урока, приложи все усилия», — я сказал искренне, на что Дженни кивнула, но на её лице теперь не было уверенности.

Она пыталась сконцентрировать всё своё внимание и все свои силы на маленькой мышце, которая закрывает уретру, от напряжения Дженни так сильно сжала кулаки, что у неё даже побелели суставы пальцев. Она быстро сдвигала и раздвигала бёдра, и я видел, что низ её живота раздулся ещё сильнее, теперь казалось, что в её мочевом пузыре уже должно быть больше литра мочи (это казалось невероятным для семикласницы!). Чтобы уменьшить

ужасное давление и боль в мочевом пузыре, Дженни даже расстегнула пуговицу на брюках, оставив закрытой только молнию. Следующие четыре минуты я сидел, слегка наклонив голову и наблюдая за Дженни. После того, как она расстегнула пуговицу на брюках, казалось, что её мочевой пузырь воспользовался отсутствием пояса, который сжимал его, и начал раздуваться ещё сильнее. Набухая всё сильнее, и становясь всё твёрже, мочевой пузырь Дженни даже немного расстегнул молнию на её брюках, сдвинув собачку вниз, и теперь я мог видеть покрасневший, набухший и немного влажный от пота низ её живота над резинкой белых и очень тонких трусиков.

Девочка ужасно хотела в туалет, поскольку она уже не могла сидеть неподвижно, тяжело дышала, а на её лбу выступили мелкие капельки пота. Внезапно, Дженни всхлипнула и согнулась почти пополам, поскольку на её штанах между ног появилась тёмное влажное пятно. Когда девочка согнулась, из её промежности, прямо через брюки, выплеснулась маленькая, но сильная струйка мочи, слегка обрызгав пол перед стулом. Дженни немедленно оторвала ноги от пола и изо всех сил сжала их, после чего просунула между бёдрами одну руку. Молния на её брюках уже полностью расстегнулась, и я видел спереди её тонкие белые трусики, которые стали почти прозрачными от влаги. Несмотря на все усилия девочки, моча всё же просачивалась из её промежности и брюки Дженни намокли уже почти до колен. Девочка несколько раз тяжело вздохнула, поскольку на сиденье стула под ней уже была лужа мочи, которая начала капать на пол. Почти все в классе уже смеялись над ней, услышав капание мочи на пол, после чего учительница встала и подошла к Дженни.

Девочка начала рыдать, а учительница сказала: «Дженни, немедленно застегни молнию на брюках, я не потерплю непристойного поведения у меня в классе. Я надеюсь, что этот случай послужит тебе уроком и в дальнейшем ты будешь ходить в туалет вовремя». Дженни, продолжая хныкать застегнула брюки и сказала: «Простите, но я правда не могла терпеть дольше, я пыталась изо всех сил...» Учительница немного смягчилась и пошла обратно к своему столу, но Дженни так и продолжала сидеть в луже собственной мочи, скопившейся в углублении сиденья стула. Она зачем-то снова расстегнула пуговицу на брюках, но оставила закрытой молнию. До звонка оставалось восемь минут, и я искренне сочувствовал Дженни, что она не сумела дотерпеть всего чуть-чуть. Учительница продолжала вести урок как ни в чём не бывало, а я продолжал краем глаза подсматривать за Дженни. Когда оставалось пять минут до звонка, я заметил, что она снова начала сжимать ноги и понял, что она не полностью опорожнила свой мочевой пузырь, поскольку я видел, что её низ живота снова выпирает над молнией.

Это поразило меня, поскольку минимум поллитра мочи впиталось в её штаны и ещё столько же вытекло на пол. Из её мочевого пузыря пару минут назад вылился литр, и Дженни всё ещё сильно хотела писать!"Ты всё ещё хочешь в туалет?» — недоверчиво спросил я. Девочка покраснела, слегка кивнула и смущённо прошептала: «Я не была в туалете с самого утра. Я привыкла терпеть подолгу, но сегодня за завтраком я выпила два стакана апельсинового сока и большую чашку кофе, а на позапрошлой перемене я прибавила к этому поллитровую бутылку газировки, которая, видимо, сейчас и переходит в мой мочевой пузырь». Я поразился этому и удивлённо сказал: «У тебя невероятно сильный мочевой пузырь! Если бы я выпил столько жидкости, я бы уже давно описился». «Видишь, я ведь тоже описилась», — расстроено сказала Дженни. Мы продолжали сидеть, и я заметил, что за несколько минут до звонка она снова начала ёрзать на стуле и постанывать. Когда урок закончился, несколько

девочек, встав, сразу же обмотали вокруг пояса куртки, и, как я понял, они тоже немного не выдержали.

Брюки Дженни были мокрые почти до колен, поэтому она спереди держала в руках свою куртку, а сзади шёл я, чтобы никто не заметил её мокрых брюк. Мы пошли к женскому туалету, но там была большая очередь. Дженни шла мелкими шагами и второй рукой сжимала себя между ног под курткой. Она взволнованно посмотрела на очередь, и почти сразу же не удержала ещё одну маленькую струйку. Я быстро схватил её за руку и повёл к кустам позади школы. По дороге она не удержала ещё несколько струек и постоянно постанывала. Наконец, мы зашли за кустики, и Дженни, еле успев стащить брюки до колен, выпустила сильную струю. Но через секунду ей удалось остановиться, и девочка, переступая с ноги на ногу, как будто она стояла на раскалённых углях, одним движением стащила вниз трусики, после чего со стоном присела на корточки и выпустила настоящий поток, который с шипением пенился на асфальте. В этот момент я ради приличия повернулся к ней боком, но всё ещё продолжал подглядывать. Когда Дженни закончила писать, она встала, и я увидел, что на асфальте была лужа около трёх метров в диаметре.

После этого я дал ей свою куртку, чтобы она могла прикрыть ей мокрые штаны и дойти до дома. В ответ на это Дженни поцеловала меня и прошептала: «Спасибо, если бы не ты, я бы описалась в коридоре школы, так и не добежав до этих кустиков...»